

**Поletaев Анатолий,
Москва, Россия**

Анатолий Поletaев, откликаясь на просьбу редколлегии журнала «Мнемозина», подготовил подборку стихов профессоров Геологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Вадим БОГОСЛОВСКИЙ

Вадим Александрович Богословский родился 6 сентября 1937 года, в Москве.

В 1954 году, окончив школу с золотой медалью, поступил на геологический факультет МГУ, по окончании которого в 1959 году около двух лет работал на севере Западной Сибири в электроразведочных партиях, занятых поисками нефти и газа.

Вернувшись в Москву, с 1961 и по сей день работает на кафедре геофизики геологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, пройдя путь от инженера до профессора, доктора геолого-минералогических наук.

Участвовал в полевых исследованиях и руководил работой геофизических экспедиций на Кавказе и в Закавказье, в Крыму, в Средней Азии, на Украине, в Молдавии, в Центральной России.

Автор более 280 научных публикаций; «Заслуженный работник высшей школы».

Стихи Вадим Александрович пишет с юных лет, но впервые опубликовал их в альбоме художественных фотографий своего друга Михаила Дашевского «Глазами Старого Дома» (2000) и альманахе «Перекличка поколений» (М.: 2004), который был посвящен 60-летию юбилею кафедры геофизики.

В настоящее время стихи поэта опубликованы на сайтах «Поэты Московского университета: от Ломоносова и до...», «Вектор творчества», а также в сборниках «Поэзией стала для нас Геология...» (2004/2005), «Под вечной крышей неба» (2008), «Антология одного стихотворения» (2009, №14), «От недр своих» (2011), в журнале «Поэзия» (2010, №2), в альманахах «Воробьевы горы, или Новая Каллиона» (2009, 2011) и «Московский Парнас» (2011, №3).

В 2009 года друзья и почитатели творчества поэта Любовь Боровикова, Евгений Корепанов и Лев Эрлих издали книгу Вадима Александровича «Стихи разных лет».

В 2011 году в двух столичных издательствах вышли книги стихов «Раёк» и «Пространство Жизни».

В 2012 году в Библиотечке ЛитКлуба «Воробьёвы горы» издан сборник стихов «Любисток», а в 2013 году в издательстве «Прогресс-Плеяда» вышла книга в серии «100 стихотворений». Вадим Александрович состоит в Творческом клубе «Московский Парнас» и Академии Российской литературы.

* * *

Искусство – род гордыни,
Но все-таки оно,
Как с оттепелью иней,
С добром обручено.
В нем чистота волненья
И тот высокий свет,
Когда без разрушенья
И созиданья нет.

1970

ФЕЯ КУХНИ

С пространством жизненным
в квартирах тесных туго,
Не посидеть с собой наедине,
И по ночам, в мечтах о тишине,
У Феи Кухни я снимаю угол.

С косою закрученной, одетая небрежно,
Привыкшая к работе по ночам,
Она чужда придирчивым очам,
Зато в трудах достойна и прилежна.

Я к ней привык, всегда благодарю,
И, склонный к обретению вечных истин,
За угол ей плачу не из корысти, –
Из благодарности и по календарю.

Созвездия меняются местами
И крутят колесо. Уж полночь уплыла.
Под яркой лампочкой, забывши про дела,
Играю неуклюжими словами.

Иду на ощупь: жарко, горячо,
Прохладно, холодно ... Бумага строки нижет.
И Фея кухни вдруг подходит ближе,
Заглядывая за мое плечо.

Я говорю: смешны замашки наши,
 Ночами нас один волнует вздор:
 Метафоры, словесный мелкий сор,
 Борщи вчерашние, не сваренные каши...

Конечно, я шучу, но всё-таки она
 Всегда смущается, краснеет и отходит
 И что-то трёт. А я в своей свободе,
 Не зная меры, пью за часом час.

Так мы работаем всерьёз и для забавы,
 И тесный мир блистает чистотой,
 И краски льет заря для истины простой, –
 Что кухня нам куда важнее славы.

1972

ФОТОГРАФИИ

Запечатленные мгновения
 Из блеклой памяти своей
 Глядят в немом оцепененье
 На жизнь изменчивых людей.

Тенёта времени и скуки
 Их покрывают, как чехлом,
 И днем засиживают мухи
 Давно не мытое стекло...

Но вот живое их подобье,
 Блуждая взором наугад,
 Встречает чей-то исподлобья
 Навстречу выброшенный взгляд.

Перелетев из ниоткуда
 В пределах комнатных забот,
 Знакомый образ, как Иуда,
 Страданию душу предаёт.

И за собою торопливо
 Ведет туда, где скован свет,
 И те мертвы, что нынче живы,
 И те живут, кого уж нет.

1973

* * *

На пол падает известка.
Звезды брызжут из окна.
Все углы – в острейших блестках
Разлетевшегося сна.
Всё на свете прочно - прочно,
Неподвижно тяжело.
Мир надежно заколочен,
В темноте его тепло.

1974

* * *

От похорон до похорон
Короче время с каждым годом.
И мне споёт октет ворон
С трубы молочного завода.

И, отразившись от окна,
В том доме, что стоял когда-то,
В моей ночи взойдет луна
И взглянет в мир подслеповато.

Она взойдёт, и в той стране,
Где не бывает зим и лета,
Осветит отражённым светом
Земную память обо мне.
1975

* * *

Не нужно быть рабом
Семьи, друзей, работы,
И вечно биться лбом
В открытые ворота.

Не стоит попевать
Всегда, во всём, за всеми:
Вернее – просто ждать
Своё вступленье к теме.

И если не дано
Солировать в оркестре,

То, право, не грешно
Играть со всеми вместе.

Жить надо просто, но
Без толку не вертеться,
И в душу перед сном,
Как в зеркало, глядеться.
1982

ТИХИЙ АНГЕЛ

Слово ангела являет,
На дворе трещит мороз.
Ангел холода не знает:
Он витает, как стрекоз.

Не струится звезд мерцанье
Сквозь замерзшее окно,-
Светлым ангела порханьем
Озаряется оно.

Тихий ангел пролетает,
Ночь рождает темноту,
Кошка мявом отвечает
Голосистому коту.

Ровно дышит Магдалина,
Левий в щелку видит сны.
Девы, жены и мужчины
Вьются в пляске Сатаны.

Тихий ангел пролетает
Между небом и землей.
Гнев проходит. Боль стихает.
Воцаряется покой.

1989

ГЕРАНЬ

Герань желает процвести.
Из недр окна на волю глядя,
Она единой жизни ради,
Готова медленно расти.

Там за окошком бег весны
Торопят и дожди и ветры.
Там измеряют геометры
Простор таинственной страны.

А здесь времён неслышный ход
Гнетёт вседневная проруха:
Как не польёт тебя старуха, –
Тотчас засуха настаёт.

Герани как себя вести? -
И жить, и сохнуть, и цвести!
1991

* * *

Шиповник и липа давно отцвели,
И лета верхушка – сгорела.
Сухая трава на излобье земли
От солнца совсем поседела.

Замолкли пернатых певцов голоса,
И только горячая вьюга
Полынью горечью плещет в глаза,
Как знаменем жаркого юга.

Ночами неистовый струнный оркестр
Сверчков и кузнечиков славит
И звёздное небо, и силы окрест,
Что нами таинственно правят.

И я, как слепой, тороплюсь наугад
К своей неизведанной цели...
А память бунтует и тянет назад –
К сулящему счастье апрелю.
1992

ОГОРОД

Огородил себе хозяин
Клочок земли среди полей.
Теперь он Богу благодарен
И видит цель в потоке дней.

Земли желающее лоно
Он словно крот, перекопал,
И всё рукою благосклонной
Взрыхлил, удобрил, обласкал.

Возделал гряды и куртины,
Возвел теплицы, парники,
Взрастил смородины, малины
И с корнем вырвал сорняки.

Клоня натруженные плечи,
Он собирает, косит, рвёт,
Сгребает, возит и под вечер
Из лейки тёплый дождик льёт.

Он, словно некий Вседержитель
В своём возделанном раю, -
Защитник и животворитель,
Оберегающий семью.

Что значит цель его творенья?
Любовь, здоровье иль доход?
Ему приносит утешенье
Податель жизни – Огород.
1993

СТО ПЕРВЫЙ КИЛОМЕТР

До взрослых детям дела нет, -
Не понимают
Слова «сто первый километр»,
«Тридцать восьмая».
Но, как из прошлого глазок
Назад прочистишь,
Тотчас откроется кусок
Тогдашних истин.

Зима. Завод «Искождеталь».
Огни у клуба.
Такой мороз развёл январь, -
Вот-вот дашь дуба.

Голубоватый свет луны.

Шаги скрипучи.
Луною мы озарены:
Она из тучи
Глядит, как шастают вдвоём
Со старым малый,
И громко радио орёт
О небывалом.
И драгоценный баритон
Пятидесятых
О том, что чувствует Жермон,
Поёт богато.

Поёт. А наша жизнь нища:
Мы из киношки
Идём, от стужи трепеща,
Тряся одёжки.
Мороз давно залез в нутро,
Но тем не менее,
Мы попадём в своё тепло
Варить пельмени.
Мы их купили на углу,
На вес, грамм двести,
И, вознося богам хвалу,
Съедим их вместе.

А завтра утром – паровоз,
И снег, и сажа,
И, не заметное от слёз,
Молчанье наше.
Оно понятней многих слов –
Молчанье это –
Среди малиновых шнуров
Вокзальных ментов

Но... вздрогнут ближние дома,
И вскрикнет поезд,
И мне поклонится зима
Глубоко, в пояс.
И, набирая мерный ход,
Вагон скрипучий
Потянет жизнь мою вперёд –
Туда, где лучше.

Теперь мне вовсе дела нет
До прежних истин,

И очень много новых бед
В моей отчизне,
Но как из прошлого назад
Глазок прочистишь,
Тотчас услышишь голоса
Ушедшей жизни.
Они лукаво не манят,
Не соблазняют,
Они судьбу мою щадят
И охраняют.
1996

ВЕЩИ

Вещи вещие вещички!
Утомляя новизной,
Вы летаете, как птички,
Под окошком в выходной.

Вещество увещеваний,
Вы скрываете в себе,
Вы – предмет для изысканий,
Тайный приз в немой борьбе.

Самому такие вещи
Невозможно объяснить.
Вещи, вы – тиски и клещи,
Вы – связующая нить.

Вы – влачащиеся цепи
Многих жизненных услад,
Вы – залог мирской утехи,
Отдаваемый назад.

Всякий раз, когда незрячий
Нас из мира умыкнет,
Наши вещи, словно сдачу,
Он потомству отдает.

Вещи вещие, вещички,
Вы – квитанции судьбы,
Вы щебечущие птички
Средь житейской молотьбы.
1997

БАБОЧКА

От крыльев бабочки кружится голова,
Порханье легкое велит расслабить тело,
И пестрота, что в сердце накопилась,
Спешит исторгнуть пёстрые слова.

Вчера ещё была она мертва,
А нынче, как цветок, к утру созрела
И расцвела. И в полдень полетела
Как озарение и радость мастерства.

Призыва истины услышать не дано;
Но между тем, окно давно открыто,
И бабочка стремится деловито

Влететь в его заманчивое дно.
Не темнотой влечет к себе оно,
Но полнотой того, что в ней сокрыто.
1998

АПРЕЛЬ

Весны начальной странник,
Задумчивый апрель,
Замглил и затуманил
Деревья во дворе.

С утра капель и сырость,
И шелест птичьих крыл...
Но что ж это случилось? –
Немой заговорил!

Пробился слабый шорох
Проснувшейся травы,
Ещё незрячей, в шорах
Слежавшейся листвы.

Коричневые пятна
В проклювах стебельков
Вдруг зашептали внятно
О тыще пустяков,

Ничтожных или важных
Самоновейших дел,
Весенней ночью влажной
Рождённых нам в удел.

Душой постигнуть сложно
Простой язык земли,
И грабли осторожно
Сгребают палый лист.

2000

* * *

Вызреют до срока
На окне томаты.
Бабка-лежебока
Выползет из хаты.
Сядет под окошко
Около крылечка.
Ласковая кошка
Спрыгнет с тёплой печки.
Посидят на солнце,
Позевают сладко.
Рядом попасётся
Курочка-хохлатка.
Вылезет из будки
Колченогий Шарик.
Цветики-анютки
Мордою обшарит.
Выроет схоронку.
Косточку потвёрже
Понесёт в сторонку,
Ляжет и погложет.
Туча пронесётся,
Ясный день замглится.
Бабка уберётся,
Кошка удалится.

2000

ШМЕЛЬ

Весь день танцующий в сурепке золотой
До поздних сумерек под углями заката,
Осыпанный пунцовою золой,
Утихнет он и спрячется куда-то.
Но лишь уйдёт с небес ночная мгла,
И пар поднимется над освещённым лугом,
Мажорно загудит, и, взявшись за дела,
С цветком в росе обнимется, как с другом.
2000

ЧЁРНЫЙ КВАДРАТ

Закономерное рождается случайно,
Случайное гвоздём пространство рвёт.
Душой опрятною застиранная тайна
Не отчуждается и в памяти живёт.

Где есть тенденция, там кроется искусство.
Соседствуя, как лето и зима,
Рассудок подмораживает чувство,
А чувство норовит свести с ума.

Что было – кончилось и, значит, стало свято.
И те, кто прежде тщился отрицать,
Вошли в пространство черного квадрата, –
Чтоб слиться с ним, молчать и созерцать.
2002

МОЛЧАНИЕ

В тяжёлые лихолетья,
Когда торжествует зло,
Слово – сильнее смерти,
Молчанье – полнее слов.

К исходу зимы блокадной,
На сломе душевных сил,
Задумал священник старый
Проститься с другом своим.

От Нарвских ворот на Охту

Меж редких живых теней
Он брёл и гадал: дойдёт ли?
Решал: дойдёт или нет?

Был путь его к Охте долог,
Но мартовский день – большой:
Страх одолев и голод,
Он друга живым нашёл.

Они обнялись и сели
У тёмной промёрзшей стены.
Как сердце в голодном теле,
Стучал метроном войны.

Война за стеной летала,
Косила косою война,
Но души их обнимала
Великая тишина.

Выл за стеною ветер,
Мороз за стеной крепчал,
И кто-то меж ними третий,
Обняв их, с ними молчал...

Крейсер калибром главным
Ударил, эхом пошёл...
– Как посидели славно!
– Батюшка, как хорошо!

Друг друга перекрестили,
Вздохнули почти легко,
Поскольку телесно были
Не в силах дышать глубоко.

Никто не помыслил внятно:
Дойдет или не дойдёт? –
Но чудом был путь обратный
От Охты до Нарвских ворот.

Другое теперь столетье,
И голос тех бед утих,
И тени, давно ушедшие,
К бессмертию на пути.

Наследство их – не отчаяние,

Не горький блокадный дым.
От них – полнота молчания,
И память мы дарим им.
2005

МАЙ

Желанный первоцвет, и майские жуки,
И грозы первые, и клейкие листочки,
Ночами светлыми рождённые стихи,
И бардов-соловьёв раскатистые строчки.

Всё к одному: и вкус крапивных щей,
И свежие возделанные грядки,
И drobный стук вбиваемых гвоздей,
Сады цветущие, и мысли в беспорядке...

Одарит щедро торопливый май
Испугом ландыша и радостью сирени,
Кого-нибудь слегка сведёт с ума
И улетит в сияющие сени.
2008

ЭВАКУАЦИЯ

1

Коммунистическая, 6.
Военный адрес подал весть,
И с ним в моём сознании,
Как на шпалере выткал ткач
На вавилонских реках плач
И тихое стенание.

Висит шпалера на стене
В изнемогающей стране
Меж Холода и Голода, –
Вдали огня большой войны
В суровом царстве тишины
Заснеженного города.

2

Слоники на вышитых салфетках,
Чёрная тарелка на стене.
В коридоре девочка-соседка
Про войну рассказывает мне.

В коридоре две голландских печки,
 Возле топок свалены дрова.
 Света нет. Соседи ищут свечку.
 Печь дымит. Кружится голова.

Сквозь года наивно смотрит в щёлку
 Детская бессмертная душа.
 Брошена на чистую тарелку
 Продуктовых карточек лапша.
 2010

* * *

Когда прекрасное крылами тихо веет,
 Дух неприкаянный от радости слабеет
 И в сердце открывается окно,
 И время разворачивает дали,
 И тонут в них тяжёлые печали,
 Которым разрешиться не дано.

2011

НА СТРАСТНОЙ

Снег почти растаял, солнце льёт лучи.
 По земле шагают важные грачи.
 Гомонят вороны, воробьи шумят,
 Чисты неба склоны третий день подряд.

В мире мир обещан другу и врагу,
 Помыслы и вещи чистят к четвергу.
 Открывают настежь окна там и тут,
 Луком яйца красят, куличи пекут.

2012

* * *

Не тяготись заботою подспудной,
 И не страшись душевного труда:
 – Создал Господь, – сказал Сковорода, –
 Ненужным трудное, а нужное – не трудным.

2013

* * *

Как ни настаивай и что ни говори, —
Тотчас окажется, что утвержденья лживы:
В пространстве нестареющей любви
Мы только молоды и непременно живы.

В нём нет ни постиженья, ни венца,
Но чувство там берёт своё начало,
Которому на свете нет конца,
И сколько ни даётся – вечно мало.

2014

* * *

Себя в себе не сразу узнаём,
И втуне подставляем укоризне,
Покамест не отправимся в наём
К единственному делу нашей жизни.

Нам только с ним дано измерить дно
Души своей, найти её глубины,
И до краёв заполнить, как вином,
Сосуд причудливый из обожжённой глины.

2014

Владимир БЕЛОУСОВ

(1907 – 1990)

Владимир Владимирович Белоусов – крупнейший тектонист XX века, член-корреспондент АН СССР.

С 1953 года – профессор кафедры динамической геологии Геологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, заведующий лабораторией геотектоники и тектонофизики.

Владимир Владимирович опубликовал более 300 научных работ, в том числе такие фундаментальные монографии, как «*Основные вопросы геотектоники*» (1954, 1962), «*Земная кора и верхняя мантия материков*» (1968) и другие, которые стали настольными книгами для нескольких поколений геологов.

Владимир Владимирович создал свою – белоусовскую – школу геологов-тектонистов, среди блистательных имён которой,

в первую очередь, необходимо назвать М.В. Гзовского, М.А. Гончарова, А.В. Вихерта, Н.Б. Лебедеву, А.М. Сычеву-Михайлову, В.И. Шевченко, В.Н. Шолпо, Н.С. Фролову.

Примечательно, что в архиве В.В. Белоусова остались не только великолепные очерки по истории геологии, но и стихи, которые были опубликованы его учениками в книгах «*Владимир Владимирович Белоусов*» (1999) и «*Труды и дни Владимира Владимировича Белоусова (1907 – 1990)*» (2007).

* * *

Тут начало, тут отчизна!
 После многих-многих лет
 Справил поминаний тризну
 По друзьям, которых нет.
 Те же сопки, те же пади
 И полыни дух тугой;
 Всё, как будто, так и надо,
 Только я совсем другой.
 Сам с собой веду беседу:
 С тем, кто был, и с тем, кто есть,
 Внук, что был, был раньше деда!
 Кто кому пошлёт тут весть?!
 Вперемежку наши грядки,
 Каждый сеет, что дано...
 Катит время без оглядки:
 Раньше, после – всё одно.
 Но когда-то, много позже,
 Будет всем нам суд крутой,
 И решат потомки строго,
 Чей всход сочный, чей пустой.
*Забайкалье,
 август 1981г.*

* * *

Багряный лес, ... шуршит трава,
 Серее небо... Время это
 Зовёт народная молва
 Грибным и бабьим летом.
 Под елями – красавец лось.
 Вдохнул туман, расставил ноги...
 И что-то кончилось, и что-то началось.
 А впереди дороги и дороги.
 Спешу узнать, что за углом,
 Какой народ, какая вера,
 И пустят ли чужого в дом,
 Но там, гляжу, лишь даль безмерна.

Конец проторенным следам;
Не потеряться б в чуждом крае!
Но, помолясь своим богам,
Свою тропу я проторяю.
*Октябрь,
1988г.*

* * *

Ставлю палатку у маленькой речки,
Дров наберу, разгорится костёр,
Суп приготовлю с тушенкой и гречкой,
Буду смотреть на заречный простор.
Ночь наступает... Залезу в палатку,
В спальный, добротный уютный мешок.
Летняя ночь быстротечна, так кратка!
Вот уже сойки звучит голосок.
Раннее утро, туман над лугами,
Воздух росую так чисто промыт.
Лес полон птичьим, задиристым гамом,
Дятел поблизости трелью стучит.
Рядом сосёнка. Совсем невысоко
Сойка гнездо аккуратно свила.
Страшен я ей, подбирается боком.
*«Я твой товарищ, лети, будь смела!»
1 сентября 1990г.*

* * *

Лес утомлённый заснул под снегами,
Тихо, сурово в морозном лесу,
Редко прорезаны тропки лыжнями,
Воздух холодный щекочет в носу.
В лунке глубокой, в защите от ветра,
Дымно горит немудрёный костёр.
Юркий снегирь скок, всё ближе по веткам,
Ищет тепло у костра – как хитёр!
Страха ничуть, говорит, ну хоть тронь-ка!
Вечер. Уж солнце лучей убирает косу –
Лыжи надену, уйду потихоньку,
Маленький друг остаётся в лесу.
*Больница,
29 сентября 1990г.*

* * *

Но вот опять настало лихолетье,
Обрушились устои жизни вдруг:

Обманом власть, как беспощадной плетью,
 Смела свободу, мысль и вольный дух.
 И видим мы сейчас лицо двойное,
 Чудно легли друг на друга века:
 Там, в глубине, – довольствие былое,
 Поверх – убожество, невежество, тоска.

Марк БЕРДИЧЕВСКИЙ (1923–2009)

Марк Наумович Бердичевский родился в Киеве.

Во время Великой Отечественной войны служил в авиации, был тяжело ранен.

В 1949 году окончил геологический факультет МГУ.

Двадцать лет работал в Геофизическом институте Министерства геологии СССР, с 1969 года был профессором кафедры геофизики Геологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

Марк Наумович был ведущим учёным мира в области разведочной и планетарной геоэлектрики; автором более 400 научных публикаций; академиком РАЕН, академиком польской АН, почётным Соросовским профессором, почётным работником высшей школы России, лауреатом премии им. М.В. Ломоносова нашего Университета.

Марк Наумович был знаком со многими современными поэтами; дружил с Николаем Глазковым, Наумом Коржавиным.

Первая публикация его стихов состоялась в журнале «Континент» в 1989 году.

14 мая 2010 года «Новая газета» свою 14 полосу посвятила киевскому поэту Якову Гальперину, расстрелянному в гестапо в апреле 1943 года.

На этой полосе была опубликована подборка стихов Якова Гальперина, которую, как пишет газета, «долго, тщательно и скрупулёзно, буквально по крупичкам – собирал Марк Бердичевский. А отдать в печать не успел».

Одно из стихотворений подборки – «Весна в Бабьем Яру» (1942) – перевёл Марк Наумович.

Здесь же опубликовано и стихотворение самого Марка Наумовича «На смерть Якова Гальперина», написанное в 1945 году.

Приводимое ниже начало этого стихотворения даёт очень яркое представление, на каком высоком накале человеческих и поэтических чувств оно возникло:

«Не забудь про базар, где торгуют
одеждой убитых,
где вокруг – пепелище и чужие солдаты
вокруг,
где по городу смерти, над зверинцем
людей и событий
как свидетель проходит расстрелянный
в Киеве друг».

ПЕРЕПЛЕТЕНЬЕ ДОРОГ

Н. Коржавину

1

Хороните друзей самолётами Аэрофлота.
В жёлтом зареве русских вокзалов раздаётся последний
звон

Вот и кончилась ваша работа. Вот и кончилась ваша забота.
Вы летите на запад, а я уйду на восток.
Два унылых пейзажа с полосатым столбом на границе.
Место вечной разлуки. Не будет ни писем, ни встреч.
До свиданья, мои дорогие. Вы будете снится.
До свиданья, родная увечная русская речь.
Два унылых пейзажа на закате двадцатого века.
Две нескладных судьбы на трагической грани времен.
Боже правый, мой Боже, зачем, сотворив человека,
Ты его разделил на три тысячи мелких племён?
Я молю тебя, Боже, не дай умереть эмигранту.
Вы летите на запад, а я уйду на восток,
Чтобы снова хлебать эту жиденькую баланду,
Эти радиоварки, это переплетенье дорог.
Я хотел бы понять, по какому закону природы
Нас судьба разбросала. И где нам последний предел?
Умирает столетье. Срываются в бездну народы.
И ломаются кости худых человечески тел.
Дорогая цена за убогую удаль восстаний.
За мальчишек в кожанках, рубивших людей, как дрова,
А потом похороненных где-то в земле Магаданьей.
Нам остались от них потерявшие смысл слова.
И соборы Европы. И нелепая блажь ностальгии.
Бремя вечной разрухи. И переплетенье дорог.
И барьеры таможен. До свиданья, мои дорогие.
Вы летите на запад, а я уйду на восток.

Мне в последнее время мерещатся странные сцены
Из истории Рима. Языческий звон площадей.
И на красный песок развороченной львами арены
Отрешенно и скорбно идет умирать иудей.
Было столько смертей, что уже не осталось боязни.
Нас кровавые реки в кровавое море несут,
Говорю тебе, кесарь, уйми эти грязные казни,
Начинаются сумерки Рима и праведный близится Суд.
Это я, Иоанн, прохожу по вечерней пустыне.
Я иду на восток, а за мной стукачи и палач.
В чёрном чреве истории зреют могилы Катynie.
Открывается пасть Магадана, и женский доносится плач.
И кругами расходятся волны багрового зноя.
И опять приближается время кровавых дождей.
На московских дворах устоявшийся запах помоев.
На московских фасадах портреты румяных вождей.
Я иду на восток в ожиданье, тоске и надежде.
Но сгущается ночь, и, как призрак, маячит вдали
Бледный всадник на бледном коне в обагрённой одежде.
И дана ему власть над четвёртою частью Земли.
И мерещится мне Сатана на высоком престоле.
Это мрачное царство продлится пятнадцать веков.
Вот – железное воинство топчет несжатое поле.
Вот – дымятся развалины вымерших городов.
Я молю Тебя, Боже, спаси эту бедную сушу.
Этот дивный ковчег на угрюмой поверхности вод.
Дай нам душу, Господь, ту начальную добрую душу,
То живое дыханье простых повседневных забот.
Но – последние храмы горят на далёком закате.
Но – багряные звери улеглись у Берлинской стены.
Боже правый, мой Боже, когда же Ты снимешь печати?
Золотые светильники в небе уже зажжены.
1980

Евгений МИЛАНОВСКИЙ (1923 – 2012)

Евгений Евгеньевич Милановский родился, в Москве, в семье классика отечественной геологии XX века Евгения Владимировича Милановского (1892–1940).

В 1941 году Евгений Евгеньевич окончил школу № 10 г. Москвы; с 1942 по 1945 гг. находился на фронте и участвовал в боевых операциях Великой Отечественной войны; в 1949 году с отличием окончил наш факультет.

Евгений Евгеньевич прошёл большой и сложный путь от аспиранта кафедры исторической и региональной геологии Геологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова до её заведующего, заслуженного профессора МГУ, академика РАН.

Он автор около 500 работ по самым различным проблемам геотектоники и неотектоники, исторической и региональной геологии, геоморфологии и вулканологии, четвертичной геологии, сравнительной планетологии и истории геологии.

Но даже при такой колоссальной научной и педагогической загруженности у Евгения Евгеньевича находилось время для Её Величества Поэзии.

ПЕСНЬ о ВЕЩЕМ ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

посвящается царю и профессору геотектоники

*и сейсмологии геологического ф-та МГУ
Георгию Петровичу Горшкову*
в день его славного юбилея*

Достославный царь Егор,
Будь спокоен с этих пор.
Эта птица – не прибор!
Помести ты эту птицу
В сейсмоведную светлицу
И петух твой золотой
Станет верною слугой.
Коль природа будет мирной,
То сидеть он будет смирно.
Но едва форшок начнется,
Петушок твой вострепнется,
Закричит: кири-куку,
Не храни ты на боку.
Возвестит землетрясение
(То бишь первое вступленье),

Балл предскажет, магнитуду
И куда спастись люду.
Будет счет трясеньям весть,
А царю Егору – честь.
1969?

**Г.П. Горшков (1909–1984) – известный сейсмолог и сейсмотектонист XX века; декан нашего факультета (1949–1953); заведующий кафедрой динамической геологии (1953–1984); лауреат Государственной премии СССР.*

ТРИПТИХ

Johann Wolfgang von GOETHE
(1749–1832)

Über allen Gipfeln
Ist Ruh,
In allen Wipfeln
Spürest du
Kaum einen Hauch;
Die Vögelein schweigen im Walde.
Warte nur, balde
Ruhest du auch.

Михаил ЛЕРМОНТОВ
(1814–1841)

ИЗ ГЁТЕ

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листья...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

Евгений МИЛАНОВСКИЙ

ИЗ ГЁТЕ

На вершинах горных
Покой;
А в долинах черных
Подо мной
Ни дуновенья.
Птицы спят, недвижны листья.
Подожди, дождешься и ты
Успокоенья.

Михаил ГОЛИЦЫН

Михаил Владимирович Голицын родился 27 июля 1926 года в Москве.

С 1931 года жил в подмосковном Дмитрове, куда были выселены потомки этой княжеской семьи.

В 1943 году поступил в Московский горный институт, в 1948 – переведён в Московский геолого-разведочный институт, после окончания которого (1951) добровольно уехал в Караганду, где в должности геолога вёл разведку угольных месторождений Казахстана.

В 1975 году вернулся в Москву: до 1988 года работал ведущим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья, откуда перешел на преподавательскую работу в наш Университет.

В 1966 году Михаил Владимирович защитил кандидатскую диссертацию, в 1975 – докторскую; в 1991 году избран действительным членом Российской академии естественных наук (РАЕН), в 1993 – профессором кафедры геологии и геохимии горючих ископаемых Геологического факультета МГУ.

Автор более 150 научных работ, в том числе 16 монографий и учебников, Михаил Владимирович является Почётным разведчиком недр, Почётным работником угольной промышленности, Первооткрывателем месторождений; награждён орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За освоение целинных земель», «За трудовую доблесть», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945гг.», почётным знаком «Шахтёрская слава» трёх степеней.

Михаил Владимирович известен как автор научно – популярных статей и документальных очерков, опубликованных в разные годы на страницах газет «Известия», «Вечерняя Москва», «Геолог Севера», «Дмитровский вестник» и других, и журналов «Москва», «Наука и Жизнь», «Природа», «Охотничьи просторы» и других.

Стихи учёного, художника и поэта Михаила Владимировича Голицына печатались в сборниках «Негаснувший костёр» (1998), «Смирновский сборник» (2000), «Геологический альманах» (2003), «Поэзией стала для нас Геология» (2004–2005), «Под вечной крышей неба» (2008).

Михаил Владимирович автор двух книг стихов «След кометы» (Тула, 1998) и «Стихотворения» (Москва, 2012).

КОРНИ

Вспомни, мой друг, как, по лесу шагая
Торной тропинкой средь тихих берёз,
Сам того часто не замечая,
Топчешь ты корни! Мне жаль их до слёз!

Корни, как реки, ручьи дождевые,
Влагу несущие морю листвы.
Корни, как руки, как пальцы живые,
Держат мать-землю в объятьях своих.

Корни, как вены, набухшие соком,
Жизнь сердцевине деревьев несут.
Корни, как мысли, что огненным током
Вечно штурмуют познания реду.

Коль ты далёк от таких рассуждений
И сантиментам таким не сродни,
Вспомнив однажды про корни растений,
Не забывай, что живые они!

И никогда не топчи эти корни:
Корни деревьев и корни морей,
Корни традиций и силы народной,
Корни отчизны – твоей и моей!

ВРЕМЯ

Время течёт удивительно скоро,
Годы летят, ускоряя свой бег:
В детстве плетёмся мы медленно в гору,
К старости под гору мчит человек.

Годы мелькают, как вёрсты за окнами
Скорого поезда в небытие...
И, оглянувшись, наверно, умолкнем мы,
Вспомнив о прожитом – каждый своё.

Что же ты сделал за долгие годы,
Что оставляешь потомкам своим?
Что ты любил, как берёг ты природу?
Сколько деревьев за жизнь посадил?

Где твоя смена – мира солдаты,
Кто бы продолжил деянья твои?
Матери-Родине всё ли отдал ты,
Всё ли, что создал, ты ей возвратил?

Время течёт удивительно скоро,
Хода обратного в нём не найдёшь.
Будет рычаг, будет точка опоры –
Ни на мгновенье его не вернёшь!

Помни об этом, довольствуйся малым,
В жизни трудись ты не ради наград.
Делай всё только с открытым забралом,
Чтоб не краснеть, обернувшись назад.

КОГДА за СЕМЬДЕСЯТ

Ещё пожить немного хочется
(«Как хорошо на свете жить!»),
И пусть «косая» не торопится
Нас на лопатки уложить!

Ещё не всё нами построено,
Немало дел и у меня!
Но так уж наша жизнь устроена,
Что всё равно не хватит дня!

Жить надо очень торопиться,
Стараться жить без укоризн,
Чтоб максимально насладиться
Мгновеньем, что зовётся ЖИЗНЬ!

ЖЁЛТЫЙ РЯБИННИК

(ПИЖМА)

Желтый рябинник, как гроздь рябины,
Только глядят они вверх, а не вниз:
Тысячи солнышек в микрокуртине,
Ты повнимательней к ним приглянись:

К солнцу и к людям соцветия тянутся
Всею веселой своею гурьбой,
С робкой надеждой, что может, оглянется
Путник, идущий тропою лесной.

Ты оглянись обязательно, путник,
Хоть на мгновенье замедли свой путь:
Праздником светлым становятся будни,
Если душою к природе прильнуть

ТОПОЛЁВЫЙ ПУХ

Кто красы не понимает,
Кто к природе глух,
Каждый год ругмя ругает
Тополевый пух.

Но с начала мирозданья,
Как придет черед,
Тополинки, как снежинки,
Кружат хоровод.

Вот подул по переулку
Ветерок-пастух,
И помчался на прогулку
Тополевый пух.

Кто-то вредный бросил спичку –
Загорелся пух,
Но, по старой, по привычке,
Вспыхнул и потух.

А на зорьке, пламенея,
Давний мой кумир –
Тополевая аллея
Украшает мир!

ВЕК XIX и XXI

В тот век, увидев из-под платья,
Хотя бы щиколотки часть,
Любой мужик, в мечтах объятья,
Готов был в обморок упасть.

Забыв родителей «напевы»,
Наперекор заветам всем,
Готовы девы в двадцать первом,
Из платьев вылезти совсем.

Спина и плечи – это ладно,
Но пуп, что в центре живота,
Ползада – это уж накладно,
Ведь это просто «срамота»!

В газету, в книгу ли, уткнувшись,
На обнаженной девы суть,
Любой мужик, чуть улыбнувшись,
Готов, хоть мельком, да взглянуть!

МИЛЫМ ДАМАМ

Любимец дам – проказник Пушкин,
Руси прославленный поэт,
Так бы писал своим подружкам,
Доживши до преклонных лет:

«Уж сколько лет, а может боле,
Пред вами стан свой стройный гну,
И бес в ребро всё чаще колет,
Велит плевать на седину!»

Но от желаний дерзновенных
До претворенья их в грехи,
Так далеко, что в жизни брешной
Осталось лишь писать стихи!»

БРОДИТ СТАРИК...

Бродит старик по родимой Москве,
По переулкам скитается.
Мысли толпятся в его голове,
Сколько ему еще маяться?

Это не знает никто на Земле,
Факт, что не так уж и много.
Что впереди – то таится во мгле,
Прошлое – в дымке суровой.

Бродит старик по знакомым местам,
Улице каждой он рад,
Рад он Кузнецким и прочим мостам,
Люб ему Старый Арбат.

Много изведаль всего наш старик,
Были и сказки и были.
Вешать он носа никак не привык,
Хоть порой жили и стыли.

Юность его захватила война,
Многому научила.
Недра земные и целина –
Все это в зрелости было.

Бродит старик по Москве налегке,
Этим походам он рад:
Тут и Пречистенка невдалеке,
Левшинский тут и Арбат.

Едет старик по подземной Москве,
Мимо спешат метростанции...
Пусть он шагает по грешной земле,
Дольше не сходит с дистанции.

ФИЛОСОФСКОЕ

Люди в жизни помирают,
Чаще ночью, реже днем.
Почему вот так бывает
До сих пор мы не пойдем.

То ли легче в одиночку
В мир иной податься нам
И поставить в жизни точку,
Миновав дневной бедлам.

То ли нам, влюбленным страстно
В пресловутый белый свет,
В темноте не так контрастно
Покидать его навек.

Ну, а коль серьезно, братцы,
Лучше в меру водку пить
И на свет тот собираться
Постараться погодить.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Чудеса со мной бывают:
Мне песочные часы
Жизнь, порой, напоминают –
В них песчинки – что часы.

Мы по жизненной тропинке,
Спотыкаясь, все ж идем,
А в часах шуршат песчинки –
День за днем и день за днем.

Доложу я вам интимно:
Так проложен жизни путь,
Что часы, как ни хотим мы,
Нам никак не повернуть.

Жизнь – игра в одни ворота ...
 Чтоб продолжить жизни путь,
 У меня одна забота:
 Всё ж часы пе-ре-вер-нуть!

Оптимист без всякой меры,
 Полагаю, выход есть:
 Мне поможет сила Веры
 Жизнь вечную обрести!

МОИ ДАТЫ

Иду по жизни без томленья,
 Еще на кое-что гожусь,
 Одной лишь цифрой – Днем рожденья,
 Пока спокойно обхожусь.

У Неба не прошу отсрочки,
 И я когда-нибудь помре ...
 Какая цифра станет в строчку
 Через дефис или тире?!

Эрнест КАЛИНИН

Эрнест Валентинович Калинин родился 12 августа 1936 года, в Москве.

Окончил школу с золотой медалью и Московский геолого-разведочный институт (МГРИ) с отличием.

Эрнест Валентинович – доктор геолого-минералогических наук, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры инженерной и экологической геологии Геологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, в стенах которого он работает более 40 лет.

Но с юных лет его непреходящему увлечению Геологией сопутствует не менее страстное увлечение Поэзией.

А может быть, наоборот?

В 2004 году издал книгу: «Тайна вдохновения».

РОССИЯ

Страна холопов и господ,
 Запретов строгих и раздолья,

Страна задушенных свобод
И разудалого застолья.
Страна удачливых пройдох
И неудавшихся героев,
И чужестранных выпивох,
И незаслуженных изгоев.

Страна безродных воротил,
Легко дорвавшихся до власти,
И необузданных кутил,
Пропивших ум, судьбу и счастье.
Страна безжалостных тиранов,
Напрасных жертв и палачей,
Людьми забытых ветеранов
И непогашенных свечей.
Страна непризнанных богинь
И не услышанных пророков,
Страна поруганных святынь
И процветающих пороков.
Страна надуманных идей –
И бестолковых и безбожных,
Страна безжизненных затей
И исполнителей ничтожных.

Страна, где трудно отличить,
Что вечно в жизни, что ничтожно,
Страна, нельзя в которой жить,
НО БЕЗ КОТОРОЙ НЕВОЗМОЖНО.

Николай БОЖКО

Николай Андреевич Божко родился 28 февраля 1937 года, в Москве.

В 1954 году окончил среднюю школу в г. Полтаве и в том же году поступил на Геологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова.

После окончания МГУ работал в Хакасии, на Горном Алтае, в Прибайкалье, а также в Иране, Гане и других регионах и странах.

В 1969 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1981 – докторскую.

В настоящее время Николай Андреевич – профессор кафедры динамической геологии Геологического факультета, известный специалист по докембрию, член многих учёных советов, лауреат Государственной премии.

НАЧАЛО ПЕРВОЙ ПРАКТИКИ

Оставь свои амбиции,
 Университетский пыл.
 Шестая экспедиция,
 Затерянный Кызыл...

А место – знаменитое!
 И, чувствуя момент,
 Со ртом полуоткрытым
 Гляжу на монумент'.

Не в солнечном Бомбее,
 Не в тундровой глуши,
 А здесь – на Енисее
 Центр Азии нашли.

Тувинцы остроглазые
 Рассматривают нас...
 Я рад, что с Центра Азии
 Дорога началась!
 1957.

' В Кызыле находится Географический Центр Азии.

ПОЭТИЧЕСКОЕ

От Калужской до Таганки
 Часто езжу неспроста,
 Потому что спозаранку
 Там рифмовые места!

Рифмы – милая забава,
 Но бывают – хороши!
 И скажу тебе я: «*Браво!*»,
 Коль напишешь от души.

Мы сегодня очень смело
 Говорим с тобой о них,
 Позабыв, как неумело
 Сочиняли первый стих.
 1958.